

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

Выпуск 1 – 2016 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2016.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SFK116.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петров В.Б. Личность и власть в творчестве Михаила Булгакова // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2016 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/01SFK116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 82-2

Петров Василий Борисович

ФГБОУ ВПО «Уральский лесотехнический университет», Россия, Екатеринбург

Профессор кафедры «Социально-культурных технологий»

Доктор филологических наук

E-mail: 45master91@mail.ru

Личность и власть в творчестве Михаила Булгакова

Аннотация. Проблема личности и власти в равной степени интересовала философов и историков, политологов и социологов, культурологов и писателей. Михаил Булгаков ставит эту проблему на протяжении всего творческого пути. Однако в современном булгаковедении отсутствует системный подход к ее рассмотрению, хотя именно она в значительной степени позволяет выявить особенности мировосприятия писателя. В данной статье предпринята попытка исследовать булгаковское творчество в русле заявленной проблемы и в контексте русской философской мысли XX века.

Ключевые слова: Булгаков; личность; власть; миропонимание; ценность

Проблема личности и власти является одной из ключевых в социокультурном контексте XX века. Она занимала умы философов и историков, политологов и социологов, культурологов и писателей¹. И чем сложнее, чем противоречивее время, тем острее постановка самой проблемы. Исторические катаклизмы XX века не могли остаться вне поля зрения Михаила Булгакова. Уже в ранней прозе («Красная корона», «Необыкновенные приключения доктора», «В ночь на третье число», «Белая гвардия») и драматургии («Дни Турбиных», «Бег») писатель обращает внимание на драматические и трагические перипетии в судьбах героев. Тема «русский человек на «сквозняке истории»» [13] стала для Булгакова глубоко личной. Крушение прежнего мироустройства и рождение нового мира вызывает тревогу за судьбу этого человека, и основной болевой точкой становится проблема взаимоотношений личности и власти.

В теории прогресса М. Булгаков отталкивался от точки зрения С. Франка, который, отвечая на распространенную идею в 20-е года теорию «унавоживания» предстоящей гармонии жизнями предшествующих поколений, писал: «человек в роли навоза вряд ли может чувствовать себя удовлетворенным и свое бытие осмысленным» [14, с. 507]. В споре между командиром истребительной эскадрильи Дараганом, который во имя большевистской идеи допускает едва ли не уничтожение всего человечества, и Ефросимовым (пьеса «Адам и Ева») автор явно принимает сторону последнего. Революционная логика Дарагана явно противоречит логике общечеловеческой:

¹ Н. Алексеев, Н. Бердяев, М. Булгаков, А. Данилов, Е. Замятин, И. Ковальченко, Ю. Левада, А. Платонов, Ю. Поляков, П. Сорокин, П. Струве, Н. Трубецкой, Г. Федотов, С. Франк, А. Харчев, Л. Шестов, Н. Эрдман и др.

«ДАРАГАН... Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. (Указывает на аппарат.) О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет» [5, с. 508].

Психологию «классового безумия» достаточно точно характеризует Е. Трубецкой в работе «Смысл жизни»: «Все прониклись мыслью, что в интересах коллективных, национальных все дозволено. <...> Вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Не стало больше безусловных святынь в жизни» [12]. Стремясь противопоставить идее «единого государства» человеческую индивидуальность, Булгаков утверждает высшую ценность – человеческую личность, и в этом ему близок не только Е. Замятин («Мы»), но и Н. Бердяев: «Мы должны бороться за новое общество, которое признает высшей ценностью человека, а не государство, общество, нацию» [1, с. 316].

Подобно Ефросимову, Булгаков считает одной из абсолютных ценностей, особенно для творческой личности, свободу. В письме Булгакова Правительству СССР читаем: «Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу» [7]. А в послании Секретарю ЦИК Союза ССР А.С. Енукидзе эта просьба звучала еще более определенно: «прошу разрешить мне вместе с женой моей Любовью Евгеньевной Булгаковой выехать за границу...» [8]. «Многоуважаемый Алексей Максимович! – писал Булгаков Горькому. – ... Прошу вынести гуманное решение – отпустить меня!» [2]. Булгаков писал даже Сталину: «В годы моей писательской работы все граждане, беспартийные и партийные, внушали и внушили мне, что <...> я никогда не увижу других стран. Если это так – мне закрыт горизонт <...>. Привита психология заключенного» [10], но... ни автору, ни его герою не удается обрести свободу: «А может быть, правда, пустить вас за границу? – спросил Иосиф Виссарионович, явно провоцируя телефонного собеседника. – Что, мы вам очень надоели?» [9]. «Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество, – в той же тональности изрекает Дараган. – Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь!» [5, с. 522].

Миропониманию М. Булгакова свойственно неприятие всего, что нивелирует личность, что превращает индивидуальность в пресловутое «колесико и винтик», а бытие духа в заурядное приземленное существование. Выступая с позиций нравственного максимализма, писатель считает человеческую индивидуальность одной из основополагающих бытийных ценностей. Осмысливая государственную бюрократическую систему как трагедию нации, Булгаков пишет в своем дневнике: «Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза – все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пропасть...» [6]. Герой повести «Дьяволиада» Коротков, подобно набоковскому Лужину («Защита Лужина»), своей смертью бросает вызов этой системе: « – Сдавайся! – завыло спереди, сзади и сверху... – Кончено... кончено. Бой проигран...» и затем: «Отвага смерти хлынула ему в душу... Коротков... вытянулся в полный рост и крикнул: – Лучше смерть, чем позор!» [3, с. 271]. И в этом автор, многократно размышлявший о причинах негативного отношения критики к своим сатирическим произведениям («...всякий сатирик в СССР посягает на советский строй» [7]), солидарен с героем.

Проблема сосуществования творческой личности и тиранической власти рассматривается Булгаковым в историко-литературном аспекте в трагических и трагифарсовых тонах. Так, в эпилоге монументальной пародии «Багровый остров» в сатирическую комедию-памфлет неожиданно вторгаются трагедийные интонации. Неподдельной боли и искренности художника, чьи творения не увидят света ramпы, исполнен монолог Дымогацкого: «Чердак?! Так, стало быть, опять чердак? Сухая каша на примусе?.. Рваная простыня?.. Полгода, полгода

я горел и холодел, встречал рассветы на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком... Полгода... полгода... в редакции бегал, пороги обивал... Вот кончу... вот кончу «Багровый остров»... И вот является зловещий старик... и одним взмахом, росчерком пера убивает меня...» [5, с. 335]. Трагическая нота звучит в комедии одно мгновение, и вызвана она не столько переживаниями Дымогацкого, сколько фактами из биографии самого Булгакова, который в начале 1921 года Булгаков тоже был вынужден сочинить «революционную пьесу». В «Записках на манжетах» читаем: «Выход один – пьесу нужно написать. Из туземной жизни. Революционную. Продадим ее ... – Я не могу ничего написать из туземной жизни... Я не знаю их быта... – Вы говорите пустяки. Это от голоду» [3, с. 127]. 28 марта 1930 года в письме Правительству СССР Булгаков писал по поводу нападков критики на пьесу: «... в пьесе <...> встает зловещая тень, и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает идиотов, панегиристов и запуганных «услужующих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее. Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене» [7].

Интерес Михаила Булгакова к творчеству Пушкина и Мольера определяется рядом причин, среди которых не только близость поэтических принципов и искреннее преклонение перед величием их гения, но сходство трагических судеб в противостоянии личной свободы и тиранической власти. Гибель великого поэта в пьесе «Александр Пушкин» – закономерный итогом этого противостояния, однако его стихи становятся символом духовной свободы, памятником всепобеждающей силе искусства. Тема пушкинского гения подана здесь через восприятие маленького, ничтожного человека – сыщика Биткова. В финале пьесы он в запретном упоении, на сдержанном всхлипе начинает читать строки убитого поэта: «Ой, буря!.. Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» [5, с. 666]. Филер почти рыдает от того, что «причастился» к чему-то несказанно высокому, и, озаренный страшной догадкой, тихо вопрошает сам себя: «зароем мы его, а будет ли толк?... Опять, может, спокойствия не настанет?» [5, с. 665].

Булгаков обнаруживает органическую несовместимость творца и власти, музыки и «бессудной тирании» (именно этими словами в одном из вариантов пьесы «Кабала святош» Мольер посылает проклятья «раздавлившему его королевскому сапогу»). Отчаянные попытки Мольера приспособиться к произволу капризной королевской власти тщетны. Впрочем, судьба самого Булгакова (взаимоотношения со Сталиным, написание пьесы «Батум») тоже во многом напоминает трагическую историю великого комедианта Франции. Вероятно, театральная критика тех лет почувствовала историческую параллель, и уже через месяц после премьеры «Кабалы святош» спектакль был снят с репертуара, чему предшествовала разгромная статья в «Правде» (9 марта 1936 года) под заголовком «Внешний блеск и фальшивое содержание».

В «Жизни господина де Мольера» великому комедианту противостоит не только король-солнце, а мир, которому он бросает вызов, а обвиняют Мольера не столько в кровосмешении, сколько в безбожии и в ниспровержении общественных устоев. Мольер, которого актеры его труппы называли «мастером», воспринимается своего рода предшественником главного героя «закатного романа» Михаила Булгакова. В финале «Жизни господина де Мольера» звучат мотив бессмертия настоящего искусства, сожженных, но не сгоревших рукописей. В Эпilogue появляется полуразрушенный бронзовый памятник и автор прощается со своим кумиром: «И я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет!» [4, с. 176].

Противостояние личности и власти рассматривается и в «закатном романе» Михаила Булгакова в связи с образом Иешуа Га-Ноцри. И вновь автор акцентирует трагизм этого противостояния. В то же время авторская позиция созвучна точке зрения И. Ильина, сформулированной в работе «Путь духовного обновления»: «Есть закон, который надо

продумать и усвоить раз и навсегда: внешнее давление, со всеми его угрозами, насилиями и муками, и духовный огонь, во всей его произвольности и священной властности, – чужеродны друг другу <...> Нельзя молиться по приказу и не молиться по запрету... Нельзя любить Бога, родину и людей по приказу и перестать любить в силу запрета... Нельзя творить по приказу и не творить по запрету» [11, с. 92-93]. Поэтому в споре Пилата и Иешуа автор подчеркивает нравственное превосходство последнего.

В булгаковской интерпретации Иешуа произносит весьма актуальные для автора, однако совершенно немыслимые для его историко-мифологического прототипа речи: «В числе прочего я говорил <...>, что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть» [4, с. 347].

Это почти революционное высказывание становится последним основанием для утверждения смертного приговора бродячему философу («Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря и конвой» [4, с. 347]). Именно оно, по мнению Булгакова, подкреплено искупительной жертвой. Гибель Иешуа – это не добровольная жертва на алтарь веры, а трагическая неизбежность при определенных социальных обстоятельствах. Однако сама неотвратимость жертвы, ее безвинная кровь открывают путь не к мести, а к духовному и нравственному очищению. И если Иешуа обретает покой и свет, то Пилат «более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу» [4, с. 682].

Итак, проблема личности и власти ставится на протяжении всего творческого пути Михаила Булгакова в различных по тематике произведениях. При этом трагические и трагикомические конфликты в них обусловлены особым мироотношением писателя, сформированным противоречивой эпохой и личной творческой судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993.– 382 с.
2. Булгаков М.А. – Горькому А.М. / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр. 20.
3. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература–Кристалл, 1997. – Т.1. – С. 688.
4. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература–Кристалл, 1997. – Т.2. – С. 696.
5. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература–Кристалл, 1997. – Т.3. – С. 736.
6. Булгаков М.А. Под пятой: Мой дневник (Подгот. текста и коммент. Кириленко К.Н., Файман Г.С.). // Театр. – 1990. – №2. – С. 41 – 49.
7. Булгаков М.А. – Правительству СССР. 28 марта. 1930 / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр.30.
8. Булгаков М.А. – Секретарю ЦИК Союза СССР / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19. ед. хр. 20.
9. Булгаков М.А. – Сталин И.В. Телефонный разговор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/cinema/15feb2010/bulgakov.html>.
10. Булгаков М.А. – Сталину И.В. 30.05.1931 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/001f5941.htm.
11. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993. – Т.1. – 400 с.
12. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vehi.net/etrubeckoi/smysl_zhizni/08.html.
13. Трубина Л.А. Русский человек на «сквозняке истории». Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология. Поэтика. – М.: Прометей, 1999. – 125 с.
14. Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. – М., 1994. – С.483 – 583.
15. Петров В.Б. Нравственные ценности в политической трагикомедии М. Булгакова «Адам и Ева» // Политическая лингвистика. 2015. №2. – С. 214 – 220.
16. Петров В.Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : (10.01.01) / В.Б. Петров. - М., 2003. - 40 с. - Библиогр.: с. 37-40.

Petrov Vasily Borisovich

The Ural forestry engineering University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: 45master91@mail.ru

Personality and power in the work of Mikhail Bulgakov

Abstract. The problem of the individual and the government equally interested philosophers and historians, political scientists and sociologists, culturologists and writers. Mikhail Bulgakov puts this issue throughout his entire career. However, in modern bulgakovian there is no systematic approach to its consideration, although it largely allows to reveal the peculiarities of the attitude of the writer. This article attempts to explore Bulgakov's creative work in line with the stated problems and in the context of Russian philosophical thought of the twentieth century.

Keywords: Bulgakov; the personality; power; worldview; value

REFERENCES

1. Berdyaev N. And. On the appointment of a person: the Experience of paradoxical ethics. – M.: Republic, 1993. – 382 p.
2. Bulgakov M.A. – A.M. Gorky / RSL, PRS, f. 562, cards. 19, a unit HR. 20.
3. Bulgakov M.A. FAV. soch.: V 3 t. – M. – SPb.: Literature Crystal, 1997. – Vol. 1. – P. 688.
4. Bulgakov M.A. FAV. soch.: V 3 t.– M.– SPb.: Literature Crystal, 1997. – T. 2. – S. 696.
5. Bulgakov M.A. FAV. soch.: V 3 t.– M.– SPb.: Literature Crystal, 1997. – T. 3. – S. 736.
6. Bulgakov M.A. the fifth Under: My diary (Tr. text and comments. Kirilenko K.N., Faymann G.S.). // Theatre. – 1990. – No. 2. – P. 41 – 49.
7. Bulgakov M.A. – the Government of the USSR. March 28. 1930 / RSL, PRS, f. 562, cards. 19, a unit HR.30.
8. Bulgakov M.A. – Secretary of the CEC of the USSR / Russian state library, OP, f. 562, cards. 19. units of storage. 20.
9. Bulgakov M.A. – I.V. Stalin on the Phone. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.newsru.com/cinema/15feb2010/bulgakov.html>.
10. Bulgakov M.A. – I.V. Stalin 30.05.1931 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/001f5941.htm.
11. Il'in I.A. the Path of spiritual renewal // Ilyin I.A. Collected works. soch.: V 10 T. – M., 1993. – Vol. 1. – 400 p.
12. Trubetskoy E.N. The meaning of life. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.vehi.net/etrubeckoi/smysl_zhizni/08.html.
13. L.A. Trubina Russian people on "drafts of history". Historical consciousness in the Russian literature of first third of the twentieth century: a Typology. Poetics. – M.: Prometheus, 1999. – 125 p.
14. Frank S.L. Meaning of life / Meaning of life: an anthology. – M., 1994. – P. 483 – 583.
15. Petrov V.B. Nравstvennye tsennosti v politicheskoy tragikomedii M. Bulgakova «Adam i Eva» // Politicheskaya lingvistika. 2015. №2. – S. 214 – 220.
16. Petrov V.B. Khudozhestvennaya aksiologiya Mikhaila Bulgakova: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : (10.01.01) / V.B. Petrov. - M., 2003. - 40 s. - Bibliogr.: s. 37-40.